

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-000-000

УДК [811.512.122:811.161.1]’27

Научная статья / Research article

Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии

Ш.К. Жаркынбекова¹ , В.Е. Чернявская²

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажимукана, 11

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. Рассматривается билингвальная практика в современном Казахстане. Анализируется переключение или смешение кода в ситуации казахско-русского и русско-казахского этнического билингвизма. Для практики гибридизации кода характерны два основных типа смешения кода, линейное сочетание слов из казахского и русского языков внутри высказывания и сочетаемость корня слова из казахского языка и аффикса из русского. Теоретико-методологический контекст анализа задан разработками в социолингвистике ‘третьей волны’, в дискурсивном анализе, лингвистической антропологии. Новый подход связан с изучением языковой вариативности как выражения социальной и этноязыковой идентичности в проекции интеракциональности и агентивности человека, использующего язык. Материалом для анализа стали контексты, демонстрирующие смешение казахского и русского языков в повседневной практике общения в Казахстане, а также извлеченные из социальных сетей и современных казахстанских фильмов. Использовался метод наблюдения за речевым поведением и спонтанной реакцией коммуникантов на русском и казахском языках. Выявлено около 300 случаев смешения кода. Анализ демонстрирует, что практика смешения кода особым образом фокусирует поликультурную и полиязыковую личность в ситуации этнического двуязычия в Казахстане. Смешение казахского и русского языков объясняется не с позиции языковой инференции, речевых ошибок вследствие недостаточной коммуникативной практики или ограниченного словарного запаса билингва, но как особый семиотический ресурс, используемый для выражения взаимопонимания и гармонизации коммуникации. Это особое использование языка, выдвигающее в центр внимания активность использующего язык человека, способного выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации. В объяснении выдвигается понятие комму-

© Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

никативной компетенции как способности человека взаимодействовать в социальных условиях, координировать языковое знание с культурно-специфическими нормами общения. Делается вывод, что использование гетерогенного языкового кода дает точку доступа к изучению рефлексии в использовании языковых ресурсов.

Ключевые слова: казахско-русский билингвизм, русско-казахский билингвизм, социолингвистика третьей волны, переключение кода, смешение кода, бикультурная идентичность

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2022

Дата приема в печать: 01.03.2022

Для цитирования:

Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 468—482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482>

Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction

Sholpan K. Zharkynbekova¹ , Valeria E. Chernyavskaya²

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University,
11, Kazimukyuan str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008

² Peter the Great St. Petersburg Politechnic University,
19, Politechnicheskaya str., St. Petersburg, Russian Federation, 195251

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. The present paper discusses the ethnic bilingual practice in Kazakhstan. The focus is on code-switching or, in other term, code-mixing in the Kazakh-Russian and Russian-Kazakh bilingualism. The bi- and multilingualism is characteristic for Kazakhstan and is caused by multiethnicity of the republic. Within this paper we are interested in identities of persons with more than one cultural background. The idea of the present investigation is a response to the sociolinguistics ‘third wave’, discourse analysis, linguistic anthropology. In this theoretical framework the research focus is on exploring linguistic variation as a medium used by individuals or social groups to evoke the social practice. It is crucial how semiotic ties are set between a linguistic sign and social context, how persistent social attribution is created through linguistic choices. Data collection for this study: we analyzed 300 contexts that show the Kazakh-Russian code-mixing in everyday and internet communication, and in modern Kazakh films reflecting the typical code-mixing practice. The data were gathered by doing observation, documentation, the analysis proceeded in a context-based interpretative way. In the framework suggested we show the code-switching/code-mixing not in terms of interference mistakes as heavily influenced by Russian language and culture, not as “linguistic errors” cases presupposed by low language competence of the speakers, but rather as a dynamic resource to shape the understanding in the communication. There are considerable nuances and complexity in the language mixed practice, that is not to be framed in pejorative terms.

Kew words: Kazakh-Russian bilingualism, Russian-Kazakh bilingualism, sociolinguistics third wave, code-switching, code-mixing, bicultural identity

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 01.03.2022

For citation:

Zharkynbekova, Sh.K. & Chernyavskaya, V.E. (2022). Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 468—482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482>

Постановка проблемы

Предлагаемый анализ обращен к билингвальной социокультурной практике в современном Казахстане. Предметом специального анализа является переход от одного языка к другому в ситуации казахско-русского и русско-казахского билингвизма. Такая практика в социолингвистике, лингвистической антропологии, этнолингвистике изучается как переключение кода (code switching) или смешение кода (code mixing). Кодовое переключение изучается в ситуации альтернативы между двумя и более лингвистическими вариативностями: литературной нормой и социолектом или же как переключение с одного языка на другой [1–3]. В практике переключения кода говорящий переходит от высказывания на одном языке к высказыванию на другом или, соответственно, к использованию социолекта. Как разнородные явления разделяют переключение кода, когда включенный элемент не интегрирован в язык, и заимствование, когда слово интегрируется в принимающий язык фонологически или морфологически. В ситуации билингвизма центральным понятием становится смешение или гибридизация кода (code-mixing), что представляет особый тип билингвизма. Смешение кода — это спонтанное использование внутри устного или письменного высказывания, построенного в соответствии с правилами этого языка, средств другого языка или социолекта. Они различимы именно как включения, как слова из другого языка. Смешение кода может происходить автоматически, когда использующий язык человек одинаково хорошо владеет двумя языками и интуитивно заменяет некое «потерявшееся в памяти» слово на другое из другого языка. Это широко наблюдается сегодня в ситуации «глобанглизации», глобального использования английского языка. Типичные примеры: *Ты идешь? Да, just a minute. Sorry, sorry, это я нечаянно.* Аналогично происходит соскальзывание на другой язык в ситуации, когда нет эквивалентной единицы, закрепленной в языке. Например: *Нам нужны специалисты в digital humanities.* В числе факторов смешения кода сегодня следует назвать развитие мобильности и сетевого пространства, в котором люди взаимодействуют в глобальном он-лайн сообществе. Смешение кода отмечается как частотное в социальных сетях, в молодежной среде как наиболее динамичной мультикультурной среде. Заметим, что переключение и смешение кода в ряде исследований используются как взаимозаменяемые понятия.

В объяснении переключения кода в би/полилингвизме есть разные подходы. Мы представляем исследовательскую точку зрения, в соответствии

с которой переключение кода в билингвизме обусловлено не недостаточной компетенцией человека в рамках одного из двух языков, но скорее показывает высокий лексико-грамматический уровень владения вторым языком, как и в речи монолингва. Такой подход противостоит объяснительной традиции, сложившейся в 1970–1990 гг., которая объясняет переключение кода главным образом недостаточным словарным запасом, отсутствием контроля над использованием языка, недостаточным образовательным статусом человека. Эта точка зрения выдвигалась в социалингвистике ранее применительно к ситуации языковых контактов между английским и испанским, французским и арабским, немецким и турецким языками в поликультурной среде, и в предшествующих разработках русско-казахского билингвизма. О теории и практике социалингвистики и трех периодах ее развития см. также [4].

Мы исходим из того, что перечисленные факторы необязательно являются центральными, чтобы мотивировать переключение и смешение кода среди билингвов. Предлагаемый анализ имеет иной методологический ракурс. Его цель — показать, что гибридные языковые практики и переключение, а точнее, смешение языкового кода используется как динамический лингвистический ресурс для коммуникативного взаимодействия и достижения понимания.

Теоретико-методологический контекст предлагаемого анализа задан работами в социалингвистике, маркируемые как социалингвистика третьей волны вслед за разработками П. Экерт, М. Сильверстина, К. Холл, М. Бухольц, Н. Коупленда, в дискурсивном анализе, лингвистической антропологии [5–9]. Новым приоритетом здесь является изучение социальной и этноязыковой идентичности с опорой на лингвистические ресурсы. Языковая вариативность связывается с интеракциональностью, агентивностью человека. Это особенно затронуло разработки в области бикультурной этноязыковой идентичности. Так определяется идентичность человека, который сформирован в пространстве более чем одной культуры, ср.: *bicultural or multicultural identities* [10; 11. С. 36]. Можно указать по меньшей мере три основания, по которым исследователи по-новому развивают социалингвистические подходы к этнической идентичности и изучению динамики выражения социальных отношений во взаимодействии с другими. Первое, традиционные подходы к определению социальной идентичности [12] и коллективной идентичности [13] брали за основу различие двух идентичностей: идентичность, формируемая принимающей культурой (*host culture*), и идентичность этнической культуры. Такая дихотомия более недостаточна для описания той ситуации, которую исследователи называют «супер-разнообразием» культур (*superdiversity*) [14; 15]. Исследователи указывают, что есть существенное разнообразие в тех формах, которые поли- или бикультурные личности выбирают, чтобы выражать свою идентичность и свое субъективное представление о том, в какой мере их две идентичности интегрированы и накладываются друг на друга в повседневной деятельности и общении. Исследования бикультурных идентичностей показывают разные фор-

мы самоидентификации и самопрезентации и их разную меру гармонизации или, наоборот, поляризации, что может выражаться в широкой растяжке между двумя полюсами самоидентификации, например [16]. Процессы мобильности и глобализации существенно увеличили специфику и дифференциацию внутри социальных групп, которые прежде рассматривались как устойчивые и однородные. Сложилась общая тенденция уходить от дихотомических моделей к большей комплексности и работе с полисоставными категориями.

Второе, этническая идентичность не исчерпывается и несводима к одному монолитному представлению человека/группы лиц о себе и проявляется на многих уровнях — во взаимоотношении в семье, коллективе, профессии и т.д.

Третье, представления об идентичности были в значительной мере обобщенными и деконтекстуализированными. Сегодня очевидно, что только погруженность в контекст может дать детальный обзор и тонко настроить оптику восприятия того, что мы хотим определять как этническая идентичность, поликультурная, полиязыковая личность [11]. В этой связи примечательно, что для описания динамического использования лингвистических ресурсов в билингвальной практике вместе переключение кода используются другие предпочтительные термины *translanguaging/трансыязычие*, *polilanguaging/полиязычие* [17; 11]. Вообще в англоязычных разработках стал характерным термин *language*, который можно передать как использование языка, выдвигающее в центр внимания активное действие использующего язык человека, его способность выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации.

Эти теоретико-методологические основания определяют логику нашего анализа и новизну подхода к объяснению билингвальной социокультурной практики в современном Казахстане.

Билингвизм в Казахстане: теоретические основания анализа

В современном Казахстане существует полилингвизм, порожденный полиэтничностью населения Казахстана, и особый тип полилингвизма — казахско-русский и русско-казахский билингвизм. Билингвизм означает владение родным языком и языком другого народа на уровне, достаточном для коммуникации с представителями этого народа. Существующий в Казахстане билингвизм определяется как этническое двуязычие.

Для осмысления лингвистического ландшафта Казахстана следует опираться на ряд базовых представлений и ключевых понятий социолингвистики. Первое. Существенное значение имеет разделение координативного и субординативного типов билингвизма. В ситуации координативного, или «чистого» двуязычия человек-билингв владеет языками в равной мере свободно, использует оба языка. В речевой деятельности на каком-либо из двух языков не возникает существенной интерференции и ошибок. В координативном

билингвизме можно говорить о сосуществовании двух языковых кодов. Это описывается с опорой на термины первый язык Я1 и второй язык Я2. Первым языком (Я1) считается язык, в котором языковая компетенция билингва выше, это может быть язык, усвоенный первым, или более значимый функционально. Вторым языком (Я2) — тот, при использовании которого билингв проявляет более низкую коммуникативную компетенцию.

«Субординативный» тип билингвизма иной. Человек владеет одним языком лучше, чем другим. В речевой деятельности это наблюдаемо через переключение с одного языка на другой. Две языковые системы билингва «смешиваются», что может порождать разного рода интерферентные ошибки под влиянием Я1 на Я2. Исследователи говорят в этом случае, что «у носителя двух языков формируется общая картина мира, где одному элементу содержания соответствуют два элемента плана выражения.» [18. С. 46]. В Казахстане преобладает именно субординативный тип билингвизма.

Второе. Для характеристики билингвальной ситуации исследователи опираются на ключевое социолингвистическое понятие «доминирующий язык». Это наблюдаемо в современном Казахстане. В качестве доминирующего может выступать неродной язык, русский, что прослеживается у этнических казахов, проживающих в регионе с преобладанием русскоязычного населения. На юге и западе республики Казахстан наблюдается билингвизм с доминированием казахского языка [18. С. 47]. Доминирующий язык — это один из языков, используемый при двуязычии с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения, профессиональной деятельности, образовании. Доминирующий язык не идентичен понятию родной язык, может совпадать или не совпадать с ним. Доминирующий язык часто выступает как язык межнационального общения.

Третье. По объему и социальной значимости в обществе разделяют массовый, групповой и индивидуальный типы билингвизма. В Казахстане представлен массовый казахско-русский и национально-русский билингвизм. «Экзогlossenность языковой ситуации в современном Казахстане характеризуется языковым разнообразием, обусловленным уникальностью этнического состава населения республики. В тоже время, своеобразие языковой ситуации Казахстана создается не столько тотальной и пестрой языковой многоголосицей, сколько со-функционированием в едином коммуникативном пространстве двух демографически и коммуникативно мощных языков-партнеров — казахского и русского» [19. С. 14].

Вследствие языковой политики государства в последние 20–25 лет начинает формироваться субординативный билингвизм с доминантой казахского языка как государственного и усиливается тенденция к изучению казахского языка как неродного.

Четвертое. Обсуждая специфику билингвизма в Казахстане, следует принимать во внимание характер освоения второго языка у билингва, а именно

естественный и искусственный билингвизм. Естественный билингвизм формируется в живой языковой среде, в условиях естественных контактов с носителями языка. Язык усваивается в социокультурной практике, внутри культуры. При искусственном билингвизме усвоение второго языка происходит и без погружения в языковую среду, в процессе образования как целенаправленное формирование продуктивных компетенций.

Билингвизм в Казахстане: гибридные языковые практики

Для гибридной речевой практики характерно использование гибридных слов, в которых казахский корень соединяется с русскими аффиксами или флексией. Например: *рахатизм* — получать удовольствие (от каз. *рахат* — удовольствие, прекрасно), *джунгарить* — буянить, безобразничать (каз. *жунгар* — воин); *хабарить* — общаться (каз. *хабар* — сообщение, новость); *асарить* — помогать (каз. *асар* — помощь).

К морфологическим элементам русского языка могут присоединяться казахские аффиксы, например: *столовыйга барасың ба?* — ты пойдешь в столовую? *мен кеттім универге* — я пошел в универ; *кешке кинога барамыз* — вечером пойдем в кино; *если что, званда* — если что, звони. Здесь казахский суффикс *-да, -га, -ге* присоединяется к корневой основе русского слова.

По нашим наблюдениям, типичные примеры смешения казахского и русского языков таковы:

Неуд қойдыңыз ба? — Вы поставили неуд?

Магазинге барайық. — Пойдем в магазин.

Дождь деп айтты. — Сказали, будет дождь.

Маган скинь. — Скинь мне.

Мен, если что, жұмыста боламын. — Я, если что, буду на работе.

Маган универге приезжай. — Приезжай ко мне в универ.

Гибридный язык не представляет собой уникальное социокультурное явление. Наоборот, он встраивается в ряд примеров лингвистической гибридации. Смешение кода можно наблюдать во многих социокультурных практиках. Например, социокультурное явление, описываемое как «рунглиш» или «брайтонский язык». Это язык русской эмиграции четвертой волны после распада Советского Союза и перестройки, используется в русскоязычном эмигрантском сообществе в Нью-Йорке¹.

¹ Хрестоматийной иллюстрацией стал фрагмент из эссе Т. Толстой «Надежда и опора»:

Америка, год 1998, город — любой, русский магазин.

Покупатель — продавцу: Мне полпаунда свисс-лоу-фетного творогу.

Продавец: Тю!.. Та разве ж творог — свисс-лоу-фетный? То ж чиз!

Покупатель (удивляясь): Чиз?

Термин «рунглиш» возник от соединения «русский» и «English» по аналогии с френглиш, спанглиш [20; 21], обозначающих английский язык с большим количеством включений из французского и испанского, и с денглиш, «англимецким» языком, представляющим смешение немецкого и английского. Рунглиш стал популярным после 2000 года, когда был назван как язык общения космонавтов на борту международной космической станции. Для рунглиша характерна грамматическая калька: «*брать автобус*», «*у меня нет идеи*» по аналогии с английской структурой «take a bus; I have no idea», а также замена корневых морфем, вытеснение русского корня английским с сохранением русского суффикса, флексии. Например, *дринки* — *напитки*; *обкэшитъ* — *обналичить*; *сейвить* — *хранить*; *смувиться* — *уехать*; *энаунситъ* — *объявлять* и т.п.

Явление гибридного языка сделало проблему смешения языков в казахстанском обществе очевидной. Практика языкового смешения, вызывает большое внимание, при этом остается не вполне отрефлексируемым с научной точки зрения. Такое смешение языков обсуждается в том числе как молодёжный социолект. «Данный языковой факт — веяние времени, отражающее менталитет казахстанской молодежи, её стремление к диалогу языков и культур» [22. С. 570].

В публикациях казахстанских исследователей казахско-русское двуязычие и гибридные языковые формы рассматривалось в основном с точки зрения заимствования, интерференции, трансференции, то есть в проекции изменения одного языка под влиянием другого и следования нормам, правилам одного языка в другом в ситуации языковых контактов, см. напр.: [23–25]. Причину смешения казахского и русского языков в устной речи усматривали главным образом в степени владения вторым языком и нехватке словарного запаса, лексико-семантические лакуны говорящего. Указывалось, что переключение кодов должно рассматриваться в связи с типом двуязычия, что в свою очередь предполагает учет уровня владения языком. Чем ниже этот уровень, тем чаще и больше переключение кодов будет результатом стрем-

Очередь (в нетерпении): Чиз, чиз! Не задерживайте, люди же ж ждут.

Покупатель (колеблясь): Ну свесьте полпаунда чизу.

Продавец: Вам послаисить или целым писом?

(Для тех, кто не читает Шекспира в подлиннике, а также для участников олимпиады по лингвистике: cheese — сыр, Swiss low-fat — швейцарский с пониженным содержанием жира: round — фунт: to slice — нарезать ломтиками, piесе — целый кусок. ... Мозг — странная вещь: как его ни воспитывай, он время от времени взбрыкивает. Приведенное выражение трудно буквально и коротко перевести на русский язык. ... Это слишком длинно, мы же стремимся выразить мысль кратко и экономно; полученное задание мозг принимает как руководство к действию и, повидимому, в минуты ослабления самоконтроля не обращает внимания на другое задание: выразиться на каком-нибудь одном языке, не валить все в кучу. Английское выражение оказывается короче, и вот оно выбегает из лингвистического загона, вырывается за ограду и произносится прежде, чем говорящий спохватывается. Цит. По: Татьяна Толстая. Изюм. Избранное. Изд-во Подкова, 2002. С. 158–159.

ления билингва перейти на язык, которым он владеет лучше, с целью преодоления языкового дискомфорта. По мере возрастания уровня владения языком эта причина будет оказываться все менее существенной [24]. По мнению С.Т. Саиной [25. С. 73], в семейно-бытовом, дружеском общении казахский язык чаще доминирует в двуязычной речи билингвов, русский язык выполняет функцию экспрессивного, вспомогательного, по отношению к казахской части, средства. Пропорции двух языков зависят от социальных компонентов конкретной ситуации. Билингвы используют такой вариант языкового поведения, который коррелирует с социально-демографическими признаками (возраст, образование, социальное положение и т.д.) и языковыми потенциями собеседника. В объяснении смешения языков на первый план выдвигалась следующая точка зрения: «Переключение с одного языка на другой происходит при смене ситуации, при желании показать знания второго языка, языка своего собеседника, в целях расположить к себе собеседника, либо при ущербной компетенции второго языка» [26. С. 20].

Билингвизм рассматривается в проекции языковых ошибок в условиях субординативного полиязычия. Так, в детальном исследовании [18] классифицируются четыре типа ошибок: фонетические ошибки в произношении, неверная постановка ударения; ошибки употреблении слов и сочетаемости слов; ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий; ошибки в построении предложений. Авторы в таком ряду рассматривают ошибки в использовании рода и падежа русского языка, под влиянием казахского языка как тюркского языка: *Я пригласил Вас поговорить по поводу одной делы* (одного дела). Одновременно как типичные проявления интерференционных ошибок рассматривается сочетаемость корневого морфемы слова из казахского языка и аффикса из русского, подобно примерам, приведенным выше: *асарить, кезекишикать*, а также линейная сочетаемость слов из двух языков, например, ситуация при покупке билетов на поезд: *Маган нижняя полка керек / Нужна нижняя полка*. Ошибки или «отклонения в процессе коммуникации» объясняются отсутствием у казахов-билингвов постоянной практики общения на русском языке. В приведенном исследовании ошибки оцениваются с точки зрения того, какие из них наиболее/наименее препятствуют пониманию устной речи по мнению респондентов с доминирующим казахским или русским языком. Делается вывод о высокой толерантности к интерференционным ошибкам в казахстанском обществе. При этом авторы делают акцент именно на ошибках: «безусловно, изучение ошибок интерферентного характера, являющихся результатом взаимовлияния языков, которые сосуществуют в одном социальном пространстве, является ключом к их предотвращению» [18. С. 61].

С такой точки зрения проблема билингвизма получает свою заостренность и как вопрос о витальности, жизнеспособности казахского языка, сужения его функций в различных сферах коммуникации.

Это — один из возможных взглядов на проблему, при этом его объяснительная возможность ограничена и оставляет без ответа многие центральные вопросы, которые становятся очевидными в современной практике. Мы принимаем иную объяснительную позицию. Анализ здесь не ставит цель редуцировать действительное многообразие факторов, влияющих на выбор языка в ситуации этнического двуязычия, и свести их к одному. Сделав исследовательский акцент на гибридной языковой практике, мы хотим показать, что для объяснения поликультурной и полиязыковой практики в современном Казахстане продуктивной является опора на динамическое интеракциональное взаимодействие двух языков для достижения понимания в коммуникативной ситуации. Это снимает потенциальное противопоставление языков в терминах «языкового дискомфорта», «пропорций языков» или «жизнеспособности языка», и переводит к осмыслению смешенного языкового кода как особого семиотического ресурса, выбираемого человеком для выражения взаимодействия и взаимопонимания в конкретной коммуникативной ситуации. Объяснительный потенциал связан таким образом с тем, как «двуязычный носитель посредством смены языков достигает наибольшего коммуникативного эффекта» [25. С. 73].

Материал и методика исследования

Исследованы контексты переключения и смешения кода, наблюдаемые в повседневной практике общения в Казахстане, а также извлеченные из социальных сетей и современных казахстанских фильмов. Использовался метод наблюдения за речевым поведением и спонтанной естественной реакцией коммуникантов на русском и казахском языках. В рассмотренных речевых ситуациях форма общения — устная, характер общения в большинстве случаев — неформальный. Выявлено около 300 случаев смешения кода. Контексты анализировались методами прагма-семантического, дискурсивного анализа, с опорой на метод словарных дефиниций.

Интерпретация результатов

Смешение кода представлено главным образом линейным сочетанием слов из казахского и русского языков внутри высказывания. Типичные примеры из повседневной коммуникации в университетской среде:

1. Разговор в отделе во время обеда. Беседуют две коллеги, одна из которых этническая казашка, вторая русская:

— *Настя, ты какой чай хочешь — зеленый, черный?*

— *Черный. Вообще-то мне барибер.*

Здесь *барибер* — от каз. слова *барібір* — все равно, безразлично.

2. Коллега по работе казашка обращается к русской коллеге.

— *Настя, эта ручка не пишет. Там паста закончилась.*

— *Настя: Басе, я-то думаю, почему не пишет? Замерзла что ли?*

Басе — казахское междометие, выражающее согласие.

3. Русская коллега обращается к коллегам-казашкам.

— *Всем привет, девочки. Ну что у нас там? Какие усеки?*

— *Новостей особых нет, с утра письмами занимаемся.*

Здесь *усек* — от каз. слова *өсек* — сплетня, новость.

Контексты смешения кода в общении в социальных сетях:

4. *Особенно хочу подтянуть свой письменный казахский. Буду самостоятельно ...:)) писать короткие посты. Еще планирую начать читать книги на казахском. Ал, удачи мне!* Казахское междометие *ал* переводится как ну, итак, служит для подведения итога, заключения высказывания.

5. *Говорила тост моя женге. Как келинка с опытом она начала тост с поздравления мамы, маме нравится ее речь, сидит слушает комплименты. Келин, сойлей бер, регламент жок.* Казахское *женге* — жена брата; *келин* — невестка, сноха; *жок* — слово, выражающее отрицание, означает *нет*.

Мы видим здесь связанные и цельные высказывания, в которых происходит естественное спонтанное смешение русского и казахского языков. Создается формальное и содержательно-смысловое целое. Переход к казахскому слову — это узнаваемый сигнал общения со своими, распознавания своих в ситуации двуязычия. Он действует как контекстуальная подсказка, что участники коммуникации имеют общие представления о возможности использования двух языков и знают, узнают лингвистическую вариативность. Смешение кода очевидно действует как маркер обращенности на коммуникативного партнера. Оно нацелено на поддержание контакта с адресатом и гармонизацию коммуникации. Таким образом реализуется фатическая функция гибридной речи. Фатическая, контактоустанавливающая роль смешения казахского и русского языков фокусирует адекватную контекстуализацию, а именно общения со «своими». В третьем примере обращает на себя внимание рефлексия со стороны участницы диалога, распознающей семантику казахского слова *усеки* и реагирующей семантически адекватно с использованием русского слова *новости*. Мы можем наблюдать, что смешение не создает препятствий, но наоборот, демонстрирует способность понимать и интерпретировать тонкие прагматические связи в содержательном целом.

Характерная для Казахстана практика гибридизации кода отражается в художественных фильмах, которые фиксируют и показывают типичные ситуации, аналогичные общению в реальной практике. Ниже фрагменты из комедии «Келинка тоже человек», производство Казахстан, 2017 г., режиссер А. Узабаев, ставшей очень популярной и рейтинговой в Казахстане.

В основе сюжета — отношения родителей и взрослых детей в современной культуре Казахстана на примере невестки и свекрови.

Фрагмент 1. Утром одна соседка заходит к другой (обе казашки, владеющие казахским и русским с доминирующим казахским):

— *О, Култан, сәлем.*

— *Представляешь, менде соль бітіп қалыпты. Бере салшы.*

Здесь *менде соль бітіп қалыпты. Бере салшы* — каз. у меня закончилась соль, дай, пожалуйста.

Фрагмент 2. Две подружки (те же, что и во Фрагменте 1) встретились на базаре:

Құдалықты не забывай.

Не забуду.

Не забудь, Майра.

Жарайды.

Здесь *Құдалықты* — каз. сватовство; *жарайды* — каз. хорошо.

Фрагмент 3. Диалог между супругами.

Туу, Сабыржан. Сказали же тебе мын кырык бес рет, нельзя значит нельзя.

Здесь *мын кырык бес рет* — тысячу сорок пять раз.

Примечательно, что смешение кода в таких ситуациях имеет индексальный характер и указывает на языковые знания, общие для коммуникантов и их способность выбрать лингвистическое средство, адекватное в конкретной ситуации. Одновременно в объяснении такой билингвальной практики следует опираться на понятие коммуникативная компетенция, которая приобретается в процессе социализации. Ее сформированность позволяет человеку адекватно и оптимально действовать в социальной практике, соответствовать коммуникативным ожиданиями других коммуникативных партнеров.

Заключение

Перспектива гетерогенного языкового кода имеет значительный объяснительный потенциал для анализа этнической билингвальной практики. Понятие переключения кода особым образом фокусирует ситуацию, в которой действует поликультурная и полиязыковая личность. Переключение, смешение кода может использоваться как динамичный ресурс для выражения взаимопонимания и гармонизации коммуникации в этническом двуязычии. В социокультурной практике современного Казахстана смешение кода объясняется не как девиантная практика и речевые ошибки, но как особый семиотический ресурс. С таких объяснительных позиций центральную роль получает понятие коммуникативной компетенции человека-билингва. Коммуникативная компетенция — это способность взаимодействовать в социальных условиях, коор-

динируя языковое знание с культурно-специфическими нормами, предписаниями общения. Собственно, компетенция, положенная в основу осмысления интеракциональности, объясняет, как порождаются прагматические эффекты и рефлексия над использованием языка в связной структуре. Использование гетерогенного языкового кода дает точку доступа к наблюдению и изучению рефлексии в использовании языковых ресурсов. Рефлексия обеспечивает доступ к оценочным установкам, пресуппозициям, стоящими за языковым выражением.

Библиографический список

1. *Aronin L., Singleton D.* Multilingualism. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
2. *Gort M.* Code-switching patterns in the writing-related talk of young emergent bilinguals // *Journal of Literacy Research*. 2012. № 44 (1). P. 45–75.
3. *Akynova D., Zharkynbekova S., Agmanova A., Kuzar Z.* Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms // *Journal of Language and Literature*. 2014. № 3. P. 210–218.
4. *Чернявская В.Е.* Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смылопорождения. М.: URSS, 2021.
5. *Bucholtz M., Hall K.* All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics // *Journal of Sociolinguistics*. 2008. № 12/4. P. 401–431.
6. *Coupland N., Jaworski A.* (eds.). *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
7. *Eckert P.* *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
8. *Kecskes I.* Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies // K. Allan and K. M. Jaszczolt (eds.). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 599–616.
9. *Куссе Х., Чернявская В.Е.* Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // *Вестник СПбГУ. Серия: Язык и литература*. 2019. № 3 (16). С. 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307>
10. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. № 29 (6). P. 697–712.
11. *Fons van de Vijver J.R., Blommaert J., Gkoumasi G., Stogianni M.* On the need to broaden the concept of ethnic identity // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. № 46. P. 36–46.
12. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
13. *Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T.* An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // *Psychological Bulletin*. 2004. № 130. P. 80–114. 14.
14. *Vertovec S.* Towards post-multiculturalism? Changing communities, contexts and conditions of diversity // *International Social Science Journal*. 2010. № 61. P. 83–95.
15. *Jorgensen J. N., Karrebaek M. S., Madsen L. M., Moller J. S.* Polylinguaging in superdiversity // *Diversities*. 2011. № 13 (2). P. 23–37.
16. *Benet-Martínez V., Leu J., Lee F., Morris M.* Negotiating biculturalism: Cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. № 33. P. 492–516.
17. *García O.* *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. Wiley/Blackwell, Malden: MA, 2009.

18. Мирзоева Л.Ю., Ахметжанова З. К. К вопросу об интерферентных ошибках как элементе языкового ландшафта в условиях субординативного полиязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 45–65.
19. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х. Языки народов Казахстана: Социолингвистический справочник. Астана, 2007.
20. Ramon A.M. Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom // *Linguistics and Education*. 2013. Vol. 24. Iss. 3. P. 276–288. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2013.03.007>
21. Otheguy R., Stern N. On so-called Spanglish // *International Journal of Bilingualism*. 2010. № 15 (1). P. 85–100.
22. Анищенко О.А. Лексикографическое описание субстандартной лексики: словарь регионального молодёжного социолекта // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 3 (25). С. 568–571.
23. Тезекбаев М.Т. Лексическая интерференция казахского языка в русской речи казахов-билингвов: дисс. ... степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
24. Суюнова Г.С. Речевое поведение казахов-билингвов: дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Алматы, 1995.
25. Саина С.Т. Двужычие и многоязычие в семейной жизни и в повседневном быту // *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. М., 2000. С. 60–75.
26. Жикеева А.Р. Языковая ситуация Костанайской области Республики Казахстан. Билингвистический аспект: автореф. дис. ... кан. филол. наук. Челябинск, 2011.

References

1. Aronin, L. & Singleton, D. (2012). *Multilingualism*. Amsterdam: John Benjamins.
2. Gort, M. (2012). Code-switching patterns in the writing-related talk of young emergent bilinguals. *Journal of Literacy Research*, 44 (1), 45–75.
3. Akynova, D., Zharkynbekova, S., Agmanova, A. & Kuzar, Z. (2014). Conversational aspect of code-switching: Using repair in EFL classrooms. *Journal of Language and Literature*, 3, 210–218.
4. Chernyavskaya, V.E. (2021). *Text and Social Context*. Moscow. (In Russ.).
5. Bucholtz, M. & Hall, K. (2008). All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics. *Journal of Sociolinguistics*, 12(4), 401–431.
6. Coupland, N. & Jaworski, A. (2009). *The New Sociolinguistics Reader*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
7. Eckert, P. (2018). *Meaning and Linguistic Variation: The Third Wave in Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kecskes, I. (2012). Sociopragmatics and cross-cultural and intercultural studies. In: K. Allan and K. M. Jaszczolt (eds). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 599–616.
9. Kuße, H. & Chernyavskaya, V.E. (2019). Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3(16), 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307> (In Russ.).
10. Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29 (6), 697–712.
11. Fons van de Vijver, J.R., Blommaert, J., Gkoumasi, G. & Stogianni, M. (2015). On the need to broaden the concept of ethnic identity. *International Journal of Intercultural Relations*, 46, 36–46.
12. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall. pp. 7–24.
13. Ashmore, R.D., Deaux, K. & McLaughlin-Volpe, T. (2004). An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130, 80–114.

14. Vertovec, S. (2010). Towards post-multiculturalism? Changing communities, contexts and conditions of diversity. *International Social Science Journal*, 61, 83–95.
15. Jorgensen, J.N., Karrebaek, M.S., Madsen, L.M. & Moller, J.S. (2011). Polylinguaging in superdiversity. *Diversities*, 13 (2), 23–37.
16. Benet-Martínez, V., Leu, J., Lee, F. & Morris, M. (2002). Negotiating biculturalism: Cultural frame switching in biculturals with oppositional versus compatible cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33, 492–516.
17. García, O. (2009). *Bilingual education in the 21st century: A global perspective*. Wiley/Blackwell, Malden: MA.
18. Mirzoyeva, L. & Akhmetzhanova, Z.K. (2019). Interference Errors in the Frame of Subordinate Multilingualism. *Tomsk State University Journal of Philology*, 60, 45–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/60/4>
19. Suleimenova, E.D., Shaimerdenova, N.Z. & Akanova, D.H. (2007). *Languages in Kazakhstan: Socio-linguistic Reader*. Astana. (In Russ.).
20. Ramon, A.M. (2013). Reading the world in Spanglish: Hybrid language practices and ideological contestation in a sixth-grade English language arts classroom. *Linguistics and Education*, 24(3), 276–288. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2013.03.007>.
21. Otheguy, R. & Stern, N. (2010). On so-called Spanglish. *International Journal of Bilingualism*, 15 (1), 85–100.
22. Anischenko, O.A. (2011). Lexicographic description on substandard lexic. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3 (25), 657–662. (In Russ.).
23. Tesekbaev, M.T. (1987). *Lexical interference in Kazakh language in the Russian speech of bilingual kazakhs* [dissertation]. Alma-Ata.
24. Sujunova, G.S. (1995). *Speech behaviour of bilingual kazakhs* [dissertation]. Alma-Ata. (In Russ.).
25. Saina, S.T. (2000). Bi- and Multilinguism in every day life. In: *Speech practices in multilinguisms*. Moscow. pp. 60–75. (In Russ.).
26. Zikeeva, A.R. (2011). *Speech situation in Kostanai region in Kazakhstan. Bilingual dimension* [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева; *e-mail*: zharkynbekova_shk@enu.kz
ORCID ID: 0000-0002-4160-6215; SCOPUS ID 55446258300

Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; *e-mail*: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6039-6305; SCOPUS ID 57200371860

Information about the authors:

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr. Sc. in Linguistics, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University; *e-mail*: zharkynbekova_shk@enu.kz
ORCID ID: 0000-0002-4160-6215; SCOPUS ID 55446258300

Valeria E. Chernyavskaya, Dr. Sc. in Linguistics, Professor, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; *e-mail*: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6039-6305; SCOPUS ID 57200371860